

вокальными миниатюрами Бизе, Делиба и Берлиоза. Чечилия Бартоли — мегазвезда оперной сцены, специалистка по барочному репертуару, обладательница пяти Grammy, одна из лучших камерных певиц мира — дала в Москве концерт.

Чечилия Бартоли приезжает в Москву уже во второй раз, а в Петербурге сегодня выступит впервые. Бартоли — явление уникальное: природная музыкальность, потрясающе гибкий — хоть и небольшой, не вполне оперный — голос, необычайный темперамент — истинно итальянский, но с чувством такта и строгим вкусом. Главное достоинство Бартоли — ее непосредственность; детскость как признак гениальности сквозит в каждом движении, взгляде, издаваемом звуке. За реакцией Бартоли следить необычайно увлекательно. Она не боится быть смешной, чрезмерно характерной, наивной, не боится «снизить» образ.

Божья коровка села на точеную шейку красавицы — как же хочется согнать ее поцелуем! Но нет: божья коровка улетела, а поцелуй опоздал... Бартоли изображает диалог героя с жучком на два голоса, периодически переходя на кукольно-искусственный тембр мультяшного Буратино. Зал веселится вместе с певицей, но она тут же переключается: поет два романса, сочиненные Полиной Виардо — той самой, в которую безнадежно был влюблен Иван Тургенев. В плавном убаюкивающей баркароле «Малышка, пойдем со мною в море...» безошибочно опознается стилистика и строй глинкавских элегий. Вспоминается, что молодой Глинка в пору своего становления три года прожил в Италии, самозабвенно погружаясь в мелодическую стихию бельканто. Тут же восстанавливается генетическая связь итальянских канцон с классическим русским романсом. Задорная песенка Доницетти «Я хочу построить дом — тра-ля-ля...» вдруг до боли напоминает знаменитое глинкавское «Я здесь, Инезилья...», а элегия Беллини «Грусть, любезная нимфа» по настроению и мелодике явно схожа с элегией Глинки «Бедный певец».

Живописно-зрительные, театральные и музыкальные цепочки выстраиваются в объемный и выразительный красочный образ. В этом и заключен феномен Бартоли: она успешно работает с любым материалом, будь то Глюк, оперы Моцарта и Генделя или малоизвестная музыка Сальери, которой она сейчас особенно увлечена. В Москве певица, правда, не решилась спеть Сальери, только что записанного на CD, — а жаль. Но и расхожие бисы типа «Тарантеллы» Россини, и более эзотерические ориентальные миниатюры Бизе, пробуждающие воспоминания о романсе Надира в «Искателях жемчуга», были исполнены замечательно. Затеиливые арабские подражания оттенялись дробным перестуком кастанет и специфически испанским колоритом в «Заиде» Берлиоза.

Концерт Бартоли был вставлен в оправу, по стилистике не вполне соответствующую экспортному сокровищу. Благотворительная направленность вечера была навязчиво задана с самого начала: на сцену вывели

Чечилия Бартоли удивила московскую публику не только вокальными данными, но и артистизмом Фотограф: Максим Коняев/Газета

детей в инвалидных колясках и все запели нечто невразумительное под названием «Репетиция оркестра». Солировали два недоросля в нелепых лакейских костюмах и пудренных париках. На сцене уже стояла Бартоли: эмоциональный настрой, который все певцы так лелеют в себе перед концертом, безвозвратно улетучивался. Хор оставался на сцене до конца вечера в качестве живой декорации. И когда уже отзвучали бисы, наступила заключительная

часть. Хор завел «Всенощную» Рахманинова — она воспринималась как непоправимый стилистов диссонанс с легкомысленно-веселыми песенками. Бартоли пела с хором, старательно выводя по-русски: «Отче наш...» Затем грянули «Многая лета» в адрес певицы. К эстетическим переживаниям, испытанным на концерте, эти ритуалы, конечно, отношения не имели — только снижали впечатление, но зал терпел. Ради того, чтобы услышать Бартоли, еще и не такое стерпишь.